

Мы были Белкой, Арбалетом и Метелицей. Хотя я просил для себя позывной «Поэт».

— Только не это! Нет и еще раз нет! — вскинул руки к потолку штабной палатки командир. Дремавшая на проводе лампочка, получив по затылку, отскочила за центральный стояк и завилась вокруг него удавом. Опасаясь гнева хозяина, юркнуло в «буржуйку» и пламя, до этого зажигательным танцором бросавшее огненные ленты в приоткрытую дверцу.— Романтики, едрена вошь! Воевать надо, а не стихи складывать. У меня вас, поэтов, уже семеро по блок-постам, как по лавкам.

Сел на свою личную скамейку — коротенькую, на два ведра, неизвестно из какого подворья экспроприированную для военных нужд. Удав с выпуклым электрическим глазом начал разматываться в обратную сторону, высвечивая на стенах триколор России, флаги Луганской и Донецкой республик. Вытянулся из топки и острый ирокез танцора: тут все успокоилось? Крышкой по лбу не получу?

«Получиш-ш-шь, получиш-ш-шь»,— зашипела на плите вода из погнутого чайника.

— «Я — поэт, зовусь я Цветик. От меня вам всего приветик», — процитировал командир строки из Незнайки. Но ему хорошо, у него позывной «Печенег» — красиво, непонятно, но гордо. А тут точно влепит какого-нибудь «Цветика»!

— Вон, за окном метет — будешь Метелицей.

Позывные вместо имен — повсеместный атрибут войны на Донбассе. Причем, с обеих сторон: никто до конца не верил в окончательную победу, а потому воюющие не себя оберегали, а возможные репрессии к родным и близким. Мстительна гражданская война, ох, коварна!

На плите шипело, подразумевая угощение, но делиться кипяточком Печенег не стал, кивнул на полот:

— Жди машину, поедешь на пятнадцатый блок-пост.

Не Чапаев! А чайку хотелось. Хотя бы «женатого» — с вторично использованным после Печенега пакетиком. И даже на «покойника» согласен — уже остывающего...

За палаткой текла своя жизнь.

— Взво-о-од! Правое плечо вперед!

Одна из самых несуразных команд в армии, кстати: чтобы повернуть строй налево, говорят про правое плечо. А именно слева самая желанная для любого солдата палатка — столовая, где меня перед встречей с командиром пытались откормить гречневой кашей с «белым медведем» — дрожащим куском вареного сала. Бррррр... Вот стоящую колод гречку и запить бы горячим чайком!

— Взво-о-од! Запе-вай!

— *Облака-а-а - белогривые лоша-адки-и-и...*

Блеск! Самая позорная строевая песня, которую заставляет петь командир своих подчиненных за какие-то провинности. Значит, даже «белого медведя» новобранцам видать не скоро.

— *Облака-а-а, что вы мчитесь без оглядки-и-и?*

На земле без оглядки куролесила моя прародительница — метель. Прячась от ее желания наместить вокруг моих ног сугробы, передвинулся за штабную палатку, прикрытую от обстрела связанными между собой автомобильными шинами. Там текла своя жизнь: пятеро ополченцев, выбрасывая вперед руки и приседая, упоенно перекивали лошадок и ветер:

— Жо-па, жо-па, жо-па!

— Повторяю для бестолковых, — ходил перед своей порцией провинившихся бородатый казак в папахе. — При ранении последовательность действий именно по «жопе»: Жгут, Обезболивающее, Перевязка, Автомобиль для эвакуации. И никак иначе!

— Жо-па, — подтвердила вприсядку группа.

Ничего не изменилось в армии со времен Петра Первого: вот тебе три мужика, сделай из них одного солдата...

А ведь еще утром я рыбачил на русском берегу Северского Донца, торкая над лункой палочкой с привязанной веревкой. Так сказали друзья в Москве, указав точку на карте: рыбачишь и ждешь. Ровно в полдень с другой стороны появится такой же «рыбачок», махнет рукой. Осторожненько по льду к нему — и ты уже на войне.

Но на саму войну сразу не пускали. Сопровождающий, от холода и для конспирации укутанный шарфом по солнцезащитные очки, не ответив ни на один мой вопрос, привел в учебный центр. Здесь и шла сортировка добровольцев из России, нареченных «северным ветром». Кто вообще не служил — те вприсядку запоминали у казака одну из частей человеческого тела. Прошедших армию распределяли на второстепенные блок-посты, высвобождая бойцов для передовых траншей. Мои солдатские познания Печенега удовлетворили, раз не стал держать на сборном пункте.

— Кого везти на пятнадцатый? — послышался сиплый голос, тут же разорванный надрывным кашлем.

Меня искал щупленький, подстать собственному голоску, старик-возница с автоматом вместо кнута и рулоном рубероида на плече. Снаряженный в дорогу старенький БТР, присыпаемый снегом, дремал в колее. Головы на попутчика не повернул, и стараясь не будить «самодвижущийся металлолом» раньше времени, я влез в стылое чрево через боковую дверцу: да, люк «героя», да, не для мужественного сэлфи, но на войне желательнее ездить подальше от водителя, которого при засадах подрывают или расстреливают первым...

— Взво-о-од! Бегом...

Даже по команде «бегом» надо сделать все наоборот: замереть, согнув руки в локтях и наклонившись вперед. Армия — она и впрямь очень смешная, если наблюдать за ней со стороны.

— ...Арш!

А вот теперь бегом.

Нам тоже, пусть и с рывка, словно отрывая примерзшие к насту сани, вперед.

Но-о, милая!

2

На «Пятнашке» шли похороны.

— Кого? — замер придавленный рулоном возница. Не согнуться в три погибели ему помогал автомат, которым, как посохом, старик опирался на землю.

— Ольга Сергеевна, — чуть отклонившись назад, шепотом пояснил оказавшийся рядом рыжий боец с родимым пятном на левой скуле. Если не бриться, оно и не видно было бы...

Окоченевшая на морозе Ольга Сергеевна лежала перед вырытой могилой на окривленной плащ-палатке. Вспомнилось по прежней службе: кровь отмывается только холодной водой, горячая здесь не помощник...

— Короче, растяжка. Задела вчера, — прошептал боец и дернул плечом на минное поле перед водонапорной башней справа. Мины — это плохо. По солдатской классификации ПМН — «противопехотная мина нажимная» переводится не иначе, как «Принеси Мою Ногу», а для изысканных гурманов черного юмора — «Пораскинь Мозгами Невзначай». Все это и впрямь смешно, пока не касается тебя лично... — Ползла всю ночь. Но когда пробито легкое...

Стоявшая рядом женщина-толстущечка зыркнула синими глазами — помолчите! Был бы в руках поварской черпак, точно стукнула бы по головам.

— Товсь! — скомандовал стоявший у изголовья Ольги Сергеевны капитан с летной планшеткой через плечо.

Вообще-то на боевых позициях с офицеров снимается любая атрибутика, выдающая в нем командира. Да и прощальные салюты отдаются при уже оформленной могилке, а не заранее...

— Огонь!

Щелчки курков. Без выстрелов. Режим тишины? Лишь зародился, буравчиком вонзаясь в сердце, чей-то тонкий надрывный вой. Так скрипочки ведут свое соло в оркестре...

В перерывах между беззвучными салютами капитан и простился первым с Ольгой Сергеевной, смахнув ей со лба напавший снежок. Направился к зарытому в землю металлическому кунгу с табличкой каракулями: «Собственник «Небо».

Летчик? Потому не знает сухопутных порядков?

По пути кивнул мне: заходи, поьем чайку с дороги, представишься. Чай — это единственно желаемое. На секунду лишь задержался у пожарного щита с белой надписью теми же каракулями: «Место для хранения ваших смартфонов», к которому гвоздями «сотка» были прибиты три мобильных телефона и планшет. Сурово тут со связью! Зато наглядно.

Укрыться в тепле с Чапаевым не успели: со стороны необранного поля подсолнечника, оказавшегося нейтральной полосой, бежал боец. Сами подсолнухи, — черные от мороза, остекленевшие после недавнего ледяного дождя, напоминали немцев под Москвой, виденных на военных фотографиях.

Подбежавший разведчик вытащил из вязаной цветастой варежки записку на тетрадном листке. Пока командир разбирался в слабосильных карандашных строчках, скосил глаза на растущую могилу, к которой полз, скуля, собачонка.

— Не надо, Затвор, не надо, — пытался отпихнуть щенка боец с родимым пятном.

Но пес лез под лопаты, пытаясь отбросить кривыми лапками комья глины со слюдяными вкраплениями застывшего в них мороза. Там, под землей, словно в засыпанной угольной шахте, лежала его мамка — Ольга Сергеевна, жившая на «Пятнашке» с начала войны, родившая его под кроватью командира «Небо». Боролся с все увеличивающимся завалом, выл на одной ноте, умоляя людей помочь ему, но они, наоборот, оттягивали его от могилы, торопливо махая лопатами. Повариха вместо креста приспособливала на холмик найденное среди кухонных дровишек перекрестие от выбитой оконной рамы. Интересно, а собаку можно отпевать по церковному чину? Тоже ведь живая душа...

Летчик разобрал, наконец, записку:

— «Верните Андрейку. Иначе вам хана. Клод Ван Дамм».

«Что за Андрейка?» — вывернул я голову. Сорока так выставляет вперед глаз, чтобы лучше видеть, а я — ухо в готовности расслышать ответ: хотелось быстрее освоить специфику донбасской войны.

— Наркоша с той стороны. Младший брат командира. Наглотеется «колес» и шарается по подсолнечнику. Где он сейчас? — спросил командир у разведчика.

— Бросился то ли обниматься, то ли врукопашную. Но упал, да еще челюстью прямо на собственную коленку, — поведал тот, посмотрев почему-то на свой увеличенный варежкой кулак.

— Андрейку перевязать и вернуть, он единственный порядочный среди этого зычя. «Белка», а ты больше туда ни ногой. Понял? Зэки на той стороне, — пояснил мне и увел, наконец, в кунг для более детального знакомства под долгожданное чаепитие.

3

Плохо зимой на войне. Стыло и неповоротливо. Время тягучее, без роду и племени, никому не подчиняющееся и уставшее от самого себя. Одна отрада, что противника жмет тот же мороз и засыпает тот же снег. Молить погоду о снисхождении бесполезно, ей каждого слушать — с ума сойдешь выбирать главного на земле, потому она глуха, слепа, никому ничего не должна. Может, где-то в южных городах женские каблочки уже и выстукивали весну, но в нашем секторе обстрела мела поземка.

Мы с Затвором греем и развлекаем друг друга. Щенку то ли понравились не виданные им за свою короткую жизнь куриные окорочка, забытые мной на дне рюкзака и скормленные ему на поминальном обеде, то ли сумел отметить, что я единственный, кто не причастен к похоронам его мамки, — не отходит ни на шаг.

Выделенным капитаном куском рубероида заделал щели в окопе, и ветер-калмык теперь лишь воет над головой, да сечет пургой высунувшийся за бруствер длинный

нос «Утеса». Ножки пулемета привалены мешками с песком, чтобы не прыгал лягушкой при стрельбе. Траншея изгибается в зависимости от корней деревьев, земля окопа морщинистая, седая от снежка.

Плохо на войне и от бездействия. Прямого противостояния нет, лишь время от времени зычье пытается по-жабьи прыгнуть вперед, отвоевывая кусочки территорий. Но на каждый такой прыжок есть свой «Утес» с 750 выстрелами в минуту, способными перемалывать «жаб» вместе с укрытием в труху.

Рукопашных нет тем более, подсолнуховые рейды Андрейки не в счет. Война сосредоточилась на обмене артиллерийскими выстрелами: ты мне, я — тебе. Затем перерыв на обед. Вместо компота три снаряда сюда, тройная «ответка» — туда. Пехоте радость: пустые ящики из-под снарядов — это и шкафчики, и стол, и растопка для «буржуйки», и лежаки.

Не спит только «Небо».

— Проиграет тот, кто расслабится первым! — науськивает он перед каждым дежурством.— Мы здесь поставлены причинять добро и наносить пользу.

Формулировка придумана для международных наблюдателей ОБСЕ, призванных фиксировать обстрелы мирных домов. Прекрасное знание русского, а не украинского языка косвенно указывало их принадлежность к трем-пяти разведкам мира, но подобный ответ одного из ополченцев чуть не свел с ума этих «миротворцев», попытавшихся понять русскую логику.

Сам «Небо» мужик не вредный, отлетавший на «вертушках» треть жизни и спящий в отставку Киевом из-за нехватки в армии вертолетов.— Ваше бессмертие находится у каждого из вас в районе копчика. Его слушайте.

Копчику хочется тепла и уюта, но кресло, притащенное в наш узкий, словно балкончик, окоп, само промерзло минимум до майских праздников, и приходится отставивать смену на ногах, подставив под них пустой ящик из-под патронов. В Чечне за подобные удобства, расслабляющие часовых, взгрели бы по первое число, ибо хуже либерального командира на войне только вшивый повар, но «Небо» умеет находить золотую середину между порядком и человеческим отношением к окопникам.

Позиционная война и убаюкивает, тащит в воспоминания.

*Лавочки парочки
Заняли с вечера.
Парню без девочки
Делать здесь нечего...*

Стишки. Стишата. Рифмы в столбик. Внукам для гордости, что дед — поэт. При этом настоящий поэт Николай Дмитриев говорил, что кроме отчества мы должны оставить своим детям еще и Отечество.

Затвор вскидывает голову. Вороны с голубями, как по расписанию, прилетели на обед? Парадокс времени: птицы мира на Донбассе есть, а самого мира нет. А вот орлы, говорят, лет десять после войны не селятся на тех местах, где шли бои. Но у них есть выбор. У людей — нет!

По траншее, стирая плечами изморозь с траншейных щек, протискивается Арбалет. Родимое пятно прикрылось трехдневной щетиной, а вот глаза блестят. Торжествует, издали протягивая термос:

— Наконец-то и у нас в России кто-то умный отыскался.

Мы и впрямь иронично усмехаемся, когда сердобольные земляки вместо свитеров присылают с «гуманитаркой» белые рубашки с коротким рукавом. Белка, прыгающий ныне по подсолнечнику, лишь однажды нашел в пакетах цветные женские варежки. Похихикал, но не отдал их даже поварихе Маше.

Арбалет отвинтил крышку. Выравшийся из разгоряченной, тесной колбы кипятка в охотку расправил плечи, но тут же присел, скукожился на обжигающем холоде. Обрадовался моим ладоням, обнявшим крышку, заластился над ними оскудевшим парком. Только какое от моих посиневших пальцев тепло, они сами последнее отберут.

— Нету? — Арбалет порыскал взглядом по нейтралке. «Немцы», боясь надломиться в своих стеклянных скафандрах, не шевелились. А должны были: Белке заступать на пост через пять минут. Скорее всего, Арбалет не ради чая явился, а прикрыть друга.

— Куда ходит-то?

— Тебе адрес с номером квартиры? — Арбалет почесал рыжую щетину. Добавил мне кипяточку — только молчи. Белка никогда прежде не опаздывал из самоволки. Только вот с такой регулярностью, да по одному и тому же маршруту в разведку не ходят. Даже «Небо» в небе вряд ли летал по одной и той же траектории.

Калмык лениво подметал наст перед траншеей, нерадивой хозяйкой загоняя припорхнувший снежок в углы. Берет пример с дорожников, у которых весной приходит дедушка Апрель и сам убирает сугробы?

Но сначала пусть прискачет Белка.

Арбалет долго вглядывался, как секундная стрелка не хуже реальной белки прыгает с деления на деление. По тому, как вздохнул, стало ясно: 12 часов пополудни. Смена. Пусто. Пора становиться на хвост.

— Не лезь! — отпихнул Арбалет подсунувшегося под руку Затвора. Вчера грустно признался, поглаживая подушечками пальцев лоб щенку: а ведь это он мины устанавливал, на которых подорвалась Ольга Сергеевна. Там есть один зигзаг, который он оставил на случай собственного прохода, но откуда его было знать собаке...

Под прикрытием щенка еще раз глянул на часы. Но что изменится за пятнадцать секунд? Закурил, отпил из термоса, но помечтал о другом:

— Короче, сейчас бы молочка с булочкой да на печку с дурочкой.

Скорее всего, он соотнес присказку с Белкой, где-то заплутавшего в тылу врага. Это Россия всегда славилась своими блудилищами — тайными лабиринтами под домами, по которым купцам-помещикам можно было уйти в случае, если крепостные начинали бузу и жгли усадьбы. Так и звали: терраса — гульбище, тайные ходы — блудилище. А где в шахтерском крае среди подсолнечника-то заплутать?

— Та-ак, командир к нам нежданчиком.

По-футбольному чеканя коленками сдвинутую вперед планшетку, к нам шел «Небо». У последнего изгиба траншеи углядел забытую на бруствере, наполненную снегом сковородку. С ней, как с чугунной булавой, надвинулся на нас, пытающихся не хуже щенка втиснуться в щели.

— Курим и ждем, когда вас меньше станет? Что в одно ухо влетает, в другое вылетает?

— Пуля снайпера,— Арбалет моментально обул голову в каску.

— Я вижу, мои приказы тоже. Белка отдыхает?

Затвор утвердительно гавкнул. «Небо» прилег рядом с пулеметом, поверх припошенного ствола осмотрел нейтралку. На застывшем за его спиной автомате удобно устроился и надетый на шомпол дверной ключик. Дом командира в самом начале войны накрыло «градом», и это все, что осталось у него от прежней жизни.

Ключик дремал не долго, качнулся:

— Не слышу ответа.

Затвор вновь попытался защитить нас, но я зажал собачий нос: если хочешь, чтобы хвост не прищемили, то не дразни начальство. Часы перед глазами давали уже

минус двенадцать минут отсутствия Белки. Но если что, я готов простоять дополнительную смену. «Я тоже могу раньше своей выйти»,— сделал невинной рыжую мордаху Арбалет. Нас, добровольцев из России, на блок-посту как раз троица, «Небо» и свел нас в одном окопе, чтобы держались вместе. Мы и держимся.

Да только что наши молчаливые уверения ключичку на шомполе. Замер подозрительно.

— На осинке не растут апельсинки,— вдруг пропел капитан, на последней ноте двинув локтем под дых «Утесу». Пулемет, несмотря на приваленные к ножкам мешки, подпрыгнул, и длинная, идеально ровная снежная грядка на загривке ствола рассыпалась.— Я ведь приказал ему туда больше не соваться. Или командира уже ни в грош, ни в полушку?

Больше всего об исчезнувшем сменщике знал, конечно, Арбалет, они почти год вместе воюют. Но водит глазами по стилому небу, рисует восьмой цвет в радуге. Командир безошибочно поворачивается к нему, лихо заламывает каску набекрень покруче берета. ВДВ! «Никто, кроме нас!» Только сделал это, чтобы схватить Арбалета за ухо как распоследнего разгильдяя из стройбата:

— Что, за смертью без очереди хотите пролезть? Где?

— К сыну пошел,— ляпнул несусветную чушь Арбалет и дернулся, освобождаясь от боли. Слетевшая каска завалила термос с недопитым чаем. Перепугавшийся Затвор, сиюсь зацепиться ногтями за мерзлые стенки и крышку термоса, сполз на дно траншеи и по-дембельски мудро замер, поджав хвост. Не удержавшаяся на бруствере крышка термоса наделась ему на голову каской, но, в отличие от Арбалета, он смахнул ее лапой.

*...Парню без девочки
Делать здесь нечего.
Делать здесь нечего
В каждой аллее.
Холодком этим встреченный —
Ушел побыстрее.*

— Врастаешь в землю тут! — указал мне свободной рукой «Небо» место для будущего памятника погибшим, но не сдавшим «Пятнашку» ополченцам — где-то рядом с Затвором и крышкой из-под термоса.— Готовность номер один. А ты за мной,— выпустил, наконец, на волю красное ухо Арбалета.

Погнал коленями планшетку обратно в штаб.

— Гав,— подпрыгнул Затвор, стараясь вернуться на бруствер.

На бруствере опасно, друг милый. Иди на руки. Где-то там еще и крышка затерялась, но ей ценность без чая нулевая. Лучше продуем налетевший на пулеметную ленту снежок. Переукрепим пулеметные ножки. Смотри, Затворище, они такие же, как у тебя — в раскоряку. Но от них-то как раз и зависит устойчивость и кучность стрельбы, друг мой. Ты если чего не знаешь, спрашивай. Вот снег, например, со ствола испаряется только во время стрельбы. А «немцы» не шевелятся. Хорошо это или плохо? Бушлат уже не греет, опять холодок по спине. Где индивидуальный пакет!? Куда денется, если привязан к прикладу бледно-розовым жгутом. И не забывать уроки казака: сначала жгут, потом обезболивающее, потом только перевязка... Авто нет, какое может быть авто, друг сердечный. Чего дрожишь? Нам нельзя падать раньше выстрела. Дай Бог, возница хоть и чахленький БТР, но подгонит. Да и командир должен понимать: если с Белкой и впрямь что-то случилось, нас одних в окопе оставлять нельзя. Мы здесь на направлении главного удара, потому как «северный

ветер». Печенег сказал — надежный по силе и направлению. Так что врага пропустить нельзя. Но и помирать, честно говоря, желания никакого. Подождут памятники?

— Гав,— согласился Затвор, лизнув меня в нос.

Тогда к бою!

4

— Я устала лепить тебя из воздуха.

— Но ты же видишь, как я кручусь!

— Крутись дальше. Но — без меня!

Сказала без надрыва, заламывания рук в тайной надежде, что начну отговаривать. Как вообще терпела меня рядом? Или потому, что водились деньги?

Догадка показалась гнусенькой, недостойной Леры и наших с ней отношений, и я усмехнулся пришедшей на ум глупости. На деле же получилось, что ухмылка досталась как бы самой Лере на ее слова. С облегчением, теперь уже полностью оправдывая себя, она встала из-за любимого углового столика любимого арт-кафе «Бардак» на Маросейке и подняла бокал. Но не мне на прощание, а навстречу толпящимся у барной стойки друзьям: я снова с вами!

Вы уходили, но вы обернулись.

Где же судьбою мы разминулись?

Где не совпало наше дыханье...

Сочиняю. Не обернулась. Зато у стойки заговорили обо мне в третьем лице, демонстративно вычеркнув из времени и пространства:

— Как всякий мент, он имел склонность и слабость ничего не делать.

Я сжал рюмку, но признал: в чем-то они правы. Десять лет топтаться на станции метро «Кропоткинская» — работа и впрямь вроде не мужская. Но это если не знать, что на самом деле держишь под контролем подступы к Храму Христа Спасителя, сортируя лица обитателей подземки на предмет выявления террористов. Самый большой наплыв пассажиров случился в дни, когда привезли с Афона для поклонения Пояс Богородицы. Тогда Лера и подошла ко мне с просьбой помочь ей с друзьями сократить двадцатичасовую очередь. Красота и стать девушки сразили, а полномочий хватило продвинуть новых знакомых всего за 4 часа.

— В «Бардаке» быть героем легче, чем в окопах.

Водки в рюмке на два глотка. Четное число — поминальное. Но про окопы тоже почти правда. Новые знакомцы только что вернулись из Киева со стойким убеждением, что на Донбассе с доверчивой красавицей Украиной не зная сна, еды и отдыха воюют исключительно все до одного спецназовца Главного разведуправления России вкуче с чеченцами, бурятами, псковскими десантниками, водолазами Северного флота, амурскими тиграми, белыми медведями с Новой Земли, а по выходным едва ли не сам Путин обстреливает мирную украинскую армию. Я же, намекая на причину нашего знакомства, назвал Донбасс Поясом Богородицы, защищающим Крым и Россию от стрел на картах, рисуемых в Брюсселе и Вашингтоне. И что имеющие совесть вообще-то должны ехать на Донбасс, а не на киевский майдан.

Водка вошла все же в один глоток. Повторяя Леру, поднял пустую рюмку бывшим знакомцам: а я без вас. Я с Поясом Богородицы, который самому так и не удалось увидеть в Храме: как раз за использование служебного положения в личных целях, а по сути помощь Лере, был переведен на самую отдаленную от центра, открытую, продуваемую всеми ветрами, бестолковую, тесную станцию «Выхино».

Как легко меняется судьба, когда сам в этом участвуешь!

Затвор вскинул нос. Вернувшийся Арбалет потянулся к термосу, по весу определил в нем количество чая в ноль целых хрен десятых. Не жалея копчик, опустился в кресло. Пересадил каску с головы на колено, хлопнул по ней, как друга по плечу.

— Короче, получил по полной.

— Про какого сына ты ляпнул?

— Почему ляпнул... Пацан у него там, на той стороне.

Посчитал ответ исчерпывающим, но молчать было тягостно, и он продолжил:

— Короче, Серега жил здесь до войны. Накануне майдана развелся и уехал к себе на Урал. Как тут все началось, вернулся. Ходил на свиданки.

Ну вот. А я думал и впрямь — герой-разведчик, оберегает нейтральную полосу.

— Я смогаюсь за ним,— Арбалет хлопнул «друга» теперь уже по башке. Повторя командира, навалился на бруствер, взгляделся в подсолнечник.

— «Небо» в курсе?

— Если только ты скажешь.

Не скажу. Но лезть головой в петлю...

— Короче. Серега мне кровь перелил после ранения,— он дернул плечом, посчитав данный аргумент для принятия любых решений и потому не подлежащим обсуждению.— А дорогу я знаю. Однажды вместе ходили. Так что постоишь еще одну смену и за меня.

Я, оказывается, мало чего знаю об обитателях «Пятнашки». Точнее, совсем ничего. Две недели пребывания на блок-посту — не срок. Срок — это когда переливают кровь и называют друг друга по имени вместо позывного...

Под немигающим взглядом Затвора Арбалет переоделся «в снег» — извлеченный из пустого патронного ящика-подставки маскхалат. Подергал контуженным плечом. Чует проблемы вместо копчика? Хорошо, что плечо левое,— на правом, никого не пуская, хозяйничает автомат, для маскировки перебинтованный по самую мушку.

— Я бы все же... Не к теще на блины...

Запнулся. Белка как раз к теще и ушел. Но что-то же должно остановить Максима!

Арбалет — Максим. Родом из небольшого городка Карачев, пустившем корни между Орлом и Брянском. Убеждает, что именно в тех местах Илья Муромец по пути в Киев сразился с Соловьем Разбойником. На том месте даже планировали памятник поставить. И не Богатырю, естественно, а Соловью. Это ныне такое поветрие — стесняться говорить о главном. В Воронеже изваяли Белого Бима с Черным Ухом, а не Гавриила Троепольского, эту собачью историю написавшего. Так что не стоит обольщаться насчет памятника и здесь. Если и поставят, то не ополченцам. И даже не Затвору. В лучшем случае водрузят на постамент пулемет с завязанным в узел стволом. Гуманно, символично, только вот мудрые китайцы учат, что последней войны не бывает.

Пока идеально ровный, готовый к бою заиндевелый ствол «Утеса» прикрывал Максима, по-пластунски уютжившего наст. Несмотря на комплекцию, у него горбится только «мародерка» — карман на спине, в который я сунул две из трех выделенных мне гранат. Оказывается, это достаточно — отдавать боеприпасы перед боем другому. Влип, конечно. Себе-то можно в этом признаться. Из Чечни выполз словно в игольное ушко, казалось бы, хватит испытывать судьбу, но подвернулась Лера... Только бы все обошлось, потому что через недельку все равно надо возвращаться в Москву. Сдавал резюме в службу безопасности Госзнака: охранять чужие денежки, раз своих нет. Вдруг там что-то прояснилось, а меня найти не могут...

Арбалет тем временем растворился среди «немцев», и шенок обеспокоенно взглядел на меня: а ты не исчезнешь? Не исчезну. Мне еще надо приехать в любимый

Лерой «Бардак» и завершить вечеринку. Можно в камуфляже. Зайти, заказать порцию водки. И подарить ей розу. Железную. Белка обещал дать адресок в Донецке, где какой-то кузнец выковывает их из осколков снарядов, падающих на город. На самых крупных укрытиях пишут «Все лучшее — детям». Где моя артиллерия?

Оставшаяся в единственном числе «лимонка» лежала бедной родственницей на бруствере. Давай-ка, катись поближе, голуба. Да ложись в сковородку, чтобы не затерялась — не зря же ее командир от снега очищал. И какая же ты удобная для ладони. Браво конструктору. Как пасхальное яичко. А Пасха в этом году ранняя, апрельская. Под нее — уже крайний срок, нужно вернуться в Москву. Родителям сказал, что поехал охранять сочинские олимпийские объекты. Именно до Пасхи. Тогда казалось, что она далеко. А у «немцев» тишина. Гнетущая. Каска лезет на глаза, от ее тяжести отваливается башка, но на войне, чтобы не протянуть ноги, берегут именно голову. А она советует заранее загнать патрон в патронник.

— Гав,— сообщил Затвор о новом госте.

Картошкой-синеглазкой, а по сути, бильярдным шаром, постучав круглыми борками по бортам траншеи, вкатилась в лузу моего окопа Маша.

— Где он?

Симпатия повара на блок-постах высчитывается по упитанности того или иного бойца. Через Максима перепало с кухни и нам, даже Затвор, несмотря на грозный вид Маши, завалил хвостом.

— Где?

Припала к брустверу. Несмотря на сопротивление, напялил ей оставленную Максимом каску. Росточка поварихе не хватило даже с ней, приподнялась на цыпочки оглядеть подсолнечник. Стоит, милый. Никуда не делся. Делись ребята...

— Дураки вы, мужики. Какие же дураки!

Неправда ее. Мы еще хуже. Отец, готовясь к походу за продуктами, всегда вздыхал: нас на рынок ведут как баранов, назад возвращаемся груженными ишаками.

Маша вжалась в мерзлую землю с желанием сидеть в лунке до возвращения Максима. Но и меня по голове не погладят за посторонних на посту. А главное, одного себя защищать легче, чем кого-то еще, к тому же бестолкового, как не окученная картошка.

— «Небо» будет первым знать обо всем,— пошел на обман.

Повар, словно в фильме при обратной перемотке, выкатилась из лузы, принялась биться о те же траншейные борта на изгибах. Затвор вновь заглянул мне в глаза: у нас все в порядке?

— Домой! — махнул ему, указывая на повариху.— Домой, фу! Пошел.

Щенок для очистки совести потоптался на месте будущего памятника, но в итоге, не гавкнув даже «спасибо», заячьими прыжками пустился догонять попутчика с исходящими от ее бушлата и рук вкусными запахами.

Через мгновение он уже несся обратно, боясь попасть под ноги разбегающихся по траншее бойцов: капитан поднял «Пятнашку» по тревоге — причинять добро и наносить пользу.

5

— Сироты мы сироты. Только я без отца и матери, а вы без мозгов и совести.

«Небо» рыскает окулярами бинокля по нейтралке. Белки и Арбалета нет даже в семикратном увеличении, потому все вдвухается лишь в мои уши. Терплю за троих.

— Вернутся — самолично расстреляю! — передал им будущую кару летчик и погнал планшетку дальше по траншее, утыканной касками бойцов.

А меня осенило: зря он прибывал мобильными на пожарный щит. По крайней мере, по геолокации телефона можно было бы установить место нахождения Максима. Хотя нет, не факт. Выкупившая у нас в районе бывшие колхозные поля фирма «Мираторг» вживила завезенным австралийским коровам чипы в уши, чтобы оператор мог по компьютеру отслеживать буренок на пастбище. Заприметили, что одна с самого утра топчется на одном месте. Послали пастуха проверить, а у того лошадь на дыбы: лежит в травушке-муравушке отрубленная коровья голова с чипом в ухе, а самой австралийки-то и нет. Уволокли давным-давно цыгане тушку через ограждение...

Дергаю головой: не те истории вспоминаются. У ребят ничего не должно случиться. Хотя уже темнеет. Перевалить, перепозти через ночь! Хоть по-пластунски, хоть строевым по плацу вместе с белогривыми лошадами.

Под бушлат,— ну сколько можно, вновь просочился холод, и пришлось плечами разгонять стадо мурашек, бизонами топчущихся по позвоночнику. От стылости, конечно, лучше всего спасает горячая еда, но перед боем только идиот побежит к повару, даже если это синеглазая Машенька: солдату лучше, если при возможном ранении в живот тот будет пуст. Войной дирижирует физиология. Хотя, если не кашу, то чайку с лимончиком глотнуть не помешало бы. Как-никак, а пять часов на ногах. Уже пять. А когда-то двенадцать минут казались вечностью. Лере не прижиться в таких условиях, ей, неумной, через каждые полчаса требовалось куда-то бежать. Плохо, что стихи не пишутся. Даже про нее. Отдельные строчки, как проталинки, еще отогреваются от мороза, но весеннего полновожья нет. Или года к суровой прозе клонят?

А с ребятами, конечно, беда. Странно лишь, что ни выстрелов, ни взрывов не прозвучало. Оправдание одно: мужики заприметили у укров что-то важное и высматривают, не выдавая себя.

...Я высмотрел Арбалета часа через два, когда совсем стемнело и пошел снежок. Монокль ночного видения, разжижающий темноту до бледного лунного пейзажа, ухватил некое шевеление у водонапорной башни. Пять-семь белых всплесков оторвались от немецкой шеренги подсолнечника и мелкой зыбью лизнули наст минного поля. Показалось или все же диверсионная группа? Но они что, не знают о минах? На что надеются?

Надеялись на Арбалета!

Его вытолкали вперед, сбили с ног, но он с усилием встал снова. На груди по всему маскхалату шли темные пятна — при зеленом искажении света это могла быть только кровь. Максим же, словно надеясь, что мы видим его, сделал легкий успокоительный жест рукой.левой. Когда-то прострелянной. Сейчас безжизненно свисала правая, которой удобно было выхватывать гранаты из «мародерки». Промчалось, никуда не девшись, стадо бизонов, впившись острыми копытцами между лопаток: а если бы не увидел разведку? Если бы Арбалет не встал? А не сдрейфи я сам и не рыскай во все глаза в поисках опасности — и поминай как звали?

На войне не бойся бояться!

— Сюда! Сюда! — позвал я громким шепотом в обе стороны хоть кого-нибудь. Прибор ночного видения только у меня, потому что я главная, выдвинутая вперед, огневая сила.

Подскочил сам «Небо», без усталости гоняющий планшетку по изрезанному траншеями футбольному полю. Вместо того, чтобы выхватить из кармашка судейский свисток, выудил собственный монокль, что мгновенно превратило его из футболиста в театрального зрителя, поглощенного разворачивающимся на сцене действием.

— Он повел их на минное поле! — примерил капитан на себя еще и роль комментатора. И? Что дальше? Почему замолчал? Я бы первым выгнал его из окопной

радиостудии, потому что слушателю важнее следить за происходящим событием, чем вслушиваться в тишину.

Не надеясь больше на репортаж, припал к своему окуляру. Резкость упала, усиливающийся снежок заретушировал картинку, но позволил рассмотреть, как к ногам Арбалета снежные хомяки-суслики привязывали веревку. И едва Максим вновь попытался встать, ее дернули, заставив пленника воткнуться лицом в снег. Хотят проползти по безопасному зигзагу, который знает только проводник?

— Сидишь тут,— приказал летчик мне и рванулся на правый фланг, к тайному проходу в минном поле. За ним вслед, вилея хвостиком, заскользила по траншее солдатская ниточка, нанизывая на себя бусинки-каска.

Не доверяет? Я своим «Утесом» перемолочу этих сусликов в труху. И до лампочки, жрали они кашу перед этим или только о чае с лимоном думали. Одни шнуры из снега торчать будут.

Но Максим, Максим! Как же попался? Ведь не Белка же сдал, не выдержав пыток! Лично я не хочу пыток! Потому гранаты надо носить не на спине, а...

Перепугал до смерти, ткнувшись в ноги, Затвор. Получив пинка, заскулил: ты что, не знаешь, как страшно потеряться, остаться одному во всей этой суматохе? Знаю, дружище. Но там Арбалет ползет зигзагом. Вместе с врагом, который перестреляет нас, как собак. Извини за сравнение, но тебя тоже вряд ли пощадят. Но если хочешь на бруствер, то поднимайся быстрее. А то ведь зыбь не замирает, движется еле уловимым перекатом, плотно сливаясь с усиливающимся снегопадом. Даже мне глаза не гарантируют, какой бугорок закрепился за Максом. А вдруг там еще и Белка? Или жена его? И что делать капитану в этой ситуации? Даст команду на открытие огня? По своим? Нет большей подлости на войне, чем укрываться живым щитом. Мечта уголовников. Чем потом гордиться будут? Как и какую историю изучать? Кто войдет в герои украинских книг? Интересно, а Андрейка-наркоша среди наступающих? Или командир родственничков бережет?

Вдавился в резиновый ободок моногля, приближая минное поле. И зря настраивал резкость: в ту же секунду в глаз, в самый его зрачок полоснул огонь, заставив отпрянуть от окуляра. Боясь отстать от вспышки, оказаться второстепенным, третьесортным, вернулся улетевший было в небо грохот разрыва, за ним братом-близнецом — второй. Кто? Только не Арбалет! Потому что если подрыв, то он — не предатель. Он не пополз зигзагом! Он завел зыбь на минное поле.

Вернул себя в зеленую Луну, торопливо отыскал два дымящихся кратера. От их рваных краев отползали раненые инопланетяне, и когда подумал, что самое безопасное место для них — это как раз воронка, а не чистое поле, под одним из лунатиков прогремел третий взрыв.

Зашелся лаем Затвор, мешая угадывать Максима. Получил в бок, но не отстал, перешел на визг. Вторя ему, у водонапорной башни залилась непрерывным лаем стрельба. Все же прорыв. Опасность там!

Рванул пулемет бежать на подмогу. «Утес» с неохотой, цепляясь ножками за мешки, но поддался, однако в тот же миг оцепенел я сам: прямо на нас с Затвором из темноты метели неслись, легко преодолев под отвлекающий маневр на минном поле уже половину нейтралки, нацики. Бежали молча, до последнего стремясь не привлекать внимания — белые от маскхалатов, пушистые от снега при молчаливой поддержке черных фашистов. И эта их психическая атака, их жабий прыжок, их близость парализовали мою волю, оставив лишь возможность смотреть на свою скорую черно-белую пушистую смерть.

Сорвав на первой же ноте голос, зашелся сиплым лаем перед нашей общей с ним гибелью Затвор, родившийся на войне и потому самый опытный и преданный боец

«Пятнашки». Дернул зубами за локоть — делай же что-нибудь, у меня ведь нет рук, как у тебя, чтобы стрелять! Благо патрон, поставленный первым погибнуть, сгореть в адском пламени порохового заряда, готов потянуть за собой в бой всю ленту. Мне оставалась лишь самая малость — нажать на гашетку.

С усилием, но нажал. И, почувствовав отдачу в пальцах, очнулся. И косил врага непрерывной очередью так долго, что задымился, как в бане от жара, заиндевевший ствол «Утеса». Не выдержав суматошной тряски, вырвались из-под приваленных мешков его ножки циркулем.

Но слишком близко подбежали нацики, мне не хватало секунд перезарядить ленту и собрать их под одну пулеметную очередь. Схватил со сковородки и бросил перед собой ладное «пасхальное яичко». С Пасхой, православные, да только неверные! Думаете, рано? А вдруг я вас больше не увижу?!

6

За ранеными сквозь снегопад чихающий от дешевого топлива «бэтр» пробился лишь к утру. Еще более надрывно кашляющий возница нес на плече моток проволоки: бойцы давно предлагали взять электричество со столбов, проходящих невдалеке.

Самого капитана вывели из штабного кунга как невесту — под руки. Лишенный при развале Союза возможности летать, «Небо» получил теперь автоматную очередь и по ногам — чтобы еще и не ходить? И книжек читать не надо, в одном человеке вместились целая эпоха. Более всего командир жалеет, что в суматохе боя соскочил с шомпола и потерялся ключик от дома. Попытались всей «Пятнашкой» просеивать сквозь пальцы снег в траншее, да только на осинке не растут апельсинки, как приговаривает сам капитан. Остается надежда лишь на дедушку Апрель, который растопит снега. Хотя он, конечно, — юноша, ошиблись с метриками дорожники...

В список на отправку внесена и моя фамилия. Плечо, хотя и задетое пулей по касательной, не давало уснуть всю ночь, и преодолевать ее помогал Затвор. Засыпал он, конечно, по-детски бесчисленное количество раз, но вскидывался по-солдатски мгновенно, едва я делал неосторожное движение.

Маша крутилась над носилками с Арбалетом. «Принести ногу» ему при подрыве оказалось некому, и вместо жгута он перетянул остатки ступни оторванным от маскхалата рукавом. Потерявшего сознание, замерзающего, его под прикрытием лавины огня всей «Пятнашки» вытащил по зигзагу капитан, на последних метрах сам схватив автоматную очередь. Мой «Утес» прикрыл бы его более надежно, но «Небо», летчик «Небо» просчитывал возможный прорыв по земле в моем секторе и не тронул меня с места. Поберег «Пятнашку», а сам пополз под свинцовый дождь с дырявым зонтиком. Все же знатно учили в советских военных училищах будущих офицеров.

Про Белку Максим ничего не знает. Может случиться и так, что его исчезновение останется тайной на веки вечные. Война это допускает — пропадающих без вести. Страшно представить, что могло случиться с нашим попавшим в плен уральцем. Если жив — сил тебе выстоять в застенках мирной красавицы Украины. Самого Макса сдал веселый беззаботный Андрейка, поведавший «Клод Ван Дамму» о своих встречах в подсолнухах. Не желая судьбы Белки, предложил провести разведгруппу через минное поле...

Кроме мотка проволоки, возница привез трех сменщиков. В новом командире по точечкам въевшейся в лицо угольной пыли угадывался бывший шахтер. Сменив одного из «свадебных» пажей, он сам повел, как к ЗАГСу, капитана «Небо» к бронетранспортеру, выпытывая на ходу условия службы. Два новых, озирающихся по сторонам, бойца топтались на месте, обнохиваемые Затвором и поземкой. Возможно,

они были как раз из тех разгильдяев, кто тренировался в лагере у Печенега: бурятские кавалерийские водолазы спецназа ГРУ Космических войск Российской армии. Но даже этого звания им недостаточно, чтобы заменить нашу троицу у «Утеса». Тяжеловато придется мужикам без нас, как ни крути.

— Быстрее, чтобы по колее обратно пробиться,— прокричал и для провожающих, и для отъезжающих возница. Главный на войне не командир, а тот, кто привозит вести.

— Пять минуток! — гражданским голосом попробовал взять руководство блокпостом в свои руки шахтер, уговаривая двигаться быстрее. Не Чапаев и даже не «Небо». Кого определит в расчет на направление главного удара?

Я оглянулся на лагерь. Провожающих почти нет, все на постах или отсыпается после смены. Метель притулила самодельный крест на могиле Ольги Сергеевны, и через эту разорванную взрывом раму рассмотрел заметаемые на нейтральной полосе бугорки-группы. Окошки на войне одинаковы для всех и открываются в обе стороны: с чем заглянул в него, то отражение и получишь. С моей солдатской точки зрения яичницу из сковородки я приготовил для «жаб» отменную. Наелись досыта. Потому как не надо заглядывать к повару в кухню, если он не просил об этом! Трупы на вес золота, ими можно будет поторговаться за Белку. Война — не только физиология, она еще и игра, торговля...

Оберегая руку, тащу свой рюкзак к БТР волоком. Что не успел, так это расспросить Белку про донецкого кузнеца с его розами из осколков. Только зачем это теперь мне: я ничего не собираюсь доказывать ни Лере, ни ее друзьям. И в «Бардак» не пойду. И дел-то в Москве у меня с гулькин нос — побывать для очистки совести в Госзнаке, чтобы получить почти гарантированный отказ, да съездить к родителям. Хотя с таким плечом показываться нежелательно, на сочинских курортах руку можно сломать или вывихнуть, но не подстрелить.

Ветер-калмык сек лица, от нейтральной полосы веяло предгрозовым затишьем. Время поторапливали двое — Шахтер и возница. Может, еще и «Небо» с «Арбалетом» мечтали побыстрее попасть под опеку врачей. Мне полегче, касательная заживет, как на Затворе. Он и провожает меня до брони. Чужая скорая расставание, запросился на руки. Вскарabalся по живой, как матросик по канату, лизнул в лицо: ты ведь еще вернешься? Как мне одному без вас, которые пришли с северным ветром, а теперь исчезаете один за другим? Обхватил меня кривыми лапками: стрелять ими не умею, а признаться в любви могу. Но даже такой слабой ласковой силы хватило, чтобы причинить боль плечу, и подавляю стон, боясь напугать малыша еще больше.

Возница, запихивая свой надрывный кашель в люк механика-водителя, кивает — трогаем.

— Иду,— хлопнул, словно по крупу, я по броне «бэтра». Тот легко задрожал в ответ, фыркнул: тоже готов!

Ну что. Вот и конец моему пребыванию в параллельном с Москвой мире, в который после Чечни даже во сне не планировал возвращаться. И убеждаешься в тысячный раз, что от тебя совершенно не зависят события, происходящие в мире. Есть ты или нет, а снег будет падать. И пули отольют для стрельбы, а не хранения пороха. И Затвора тоже кто-то подкормит. О тебе говорю, дружище. Хочешь со мной в Москву? Покажу златоглавую, а то одни окопы да траншеи в биографии...

Примеряюсь к скобе на броне. Люки «героев» заняты тяжелыми ранеными, придется лезть в верхний, словно специально сотворенный для тренировки снайперов в их стрельбе по живым мишеням. Но авось дважды в одну воронку снаряд не попадет, хватит вчерашнего ранения. Да и чеченская контузия имеет свой счет. После нее я не стал возвращаться в свою роту, дослуживал в Подмоскovie. Никто не упрекнул, да и

не за что, контузия в десятки раз опаснее пулевого ранения, потому что неизвестно, когда и как проявится. Но сержант Васька Васильев, сам обгоревший, но вытолкнувший меня из подорванного БТР, вернулся и через полгода погиб. Чего лукавить: потом часто думал-сопоставлял: а служи я рядом, сумел бы что-то изменить в раскладе его судьбы? Виновен или нет в его гибели? Прятался ли потом в московской подzemке от самого себя или просто отмаливал грехи, устраиваясь на службу у Храма Христа Спасителя,— не знаю, и старался не акцентировать на этом свое внимание. Нет, конечно, просто случайное совпадение. Как и Лера с друзьями совершенно ни при чем в моем решении ехать в Луганск. По большому счету, я просто опосредованно вернулся в Чечню через десять лет. Судя по ранениям, войны меня не любят, выталкивают из себя как инородное тело, но ведь именно мой «Утес» сорвал вчера жабий прыжок врага. Может, та давняя контузия сберегла меня для того, чтобы сегодня оказался в нужное время в нужном месте. Пусть и по приказу «Небо», который, как и Васька Васильев, нужны для того, чтобы вытащить кого-то из боя. Войне не жить без героев, без них у нее нет дыхания, она мгновенно захлебывается, не получая развития под пятой более сильного и алчного противника. На Донбассе ополченцы зачехлили парадные знамена Украины, и «северный ветер» сыграл в этом не последнюю скрипку.

А сейчас... сейчас о моей судьбе за меня думает Госзнак. Хотя как думает? Большие деньги чужим людям охранять не доверяют, так что итог предreshен. Это мы с какой-то легкой глупостью доверяем другим свои души, мысли, принятие решений. Чтобы снова спускаться в подземку и отмаливать грехи? Как же я соскучился по самому себе!

БТР подгазовал, набирая обороты, и вместо того, чтобы влезать на броню, хлопая дряхлую механическую лошадку:

— Пошел!

Для подтверждения машу вознице, хотя у БТР нет боковых зеркал: без меня!

Глупость, конечно, несусветная, детский взрыв эмоций. Завтра, скорее всего, пожалею о содеянном, но не состоит ли Вселенная из наших же поступков?

Боясь передумать, вновь потеряться между войной и миром, отталкиваюсь от брони. Устроившемуся на груди Затвору непонятны мои резкие движения, он любопытной варварой выворачивает шею: что опять изменилось в этом мире? На этот раз я сам целую его в черную кляксу носа и, несмотря на боль, прижимаю к груди.

Откуда я родом, вы не спросили.

Я — северный ветер. Я — из России...

